

DOI 10.15393/j9.art.2019.5761

УДК 821.161.1.09“18”

Марина Павловна Гребнева*(Барнаул, Российская Федерация)*

grmarinagr@mail.ru

Семантика образа Флоренции в воспоминаниях и статьях Ф. И. Буслаева

Аннотация. Публикация посвящена одному из актуальных направлений современного отечественного литературоведения — имагологии. Целью исследования стало изучение образа Флоренции. В этой связи особое внимание привлекли воспоминания и статьи Ф. И. Буслаева — известного русского филолога и искусствоведа. Он четырежды побывал во Флоренции — в 1840, 1841, 1864 и 1874 гг. Первый раз город был воспринят путешественником как сказка, во второй раз — как сновидение, с которым было трудно расстаться, в третий раз — как место, в котором осуществляется связь времен и, наконец, в четвертый раз — как музей, как сокровищница мирового искусства. Изучение мемуаров и статей ученого показало, что его внимание привлекали вторичные мотивы универсального флорентийского мифа, такие как круг, сон, прошлое, семья. Особенности восприятия данного локуса Буслаевым определяется тем, что он исследовал его не только как путешественник, но и как ученый. В статье основными при изучении образа Флоренции стали мифологический, сравнительно-исторический и типологический методы.

Ключевые слова: Ф. И. Буслаев, Флоренция, локальный текст, универсальный миф, персональный миф, образ, Данте

В современном отечественном литературоведении особое внимание уделяется характеристике городских текстов: петербургского [Лотман, 2002a], [Топоров], московского [Лотман, 2002b], [Гольберг], римского [Владимирова], венецианского [Меднис] и др.

Флорентийский текст рассматривался в трудах П. П. Муратова [Муратов], К. Линча [Линч], Т. В. Сониной [Сонина], Л. М. Брагиной [Брагина], И. А. Красновой [Краснова], О. Ф. Кудрявцева [Кудрявцев] и др.

История флорентийского универсального мифа и персональных мифов на русской почве насчитывает около пятисот лет, а их изучение началось относительно недавно (см., напр.: [Комолова], [Кара-Мурза], [Гребнева]).

Флорентийский первообраз сложился в русской литературе к 1830–1840 гг. благодаря текстам К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Буслаева. В него вошли первичные мотивы камня, сада, цветка, цвета и вторичные мотивы круга, прошлого, башни, сна, звезды, семьи и др.

Ф. И. Буслаев (1818–1897), российский лингвист, фольклорист, глава русской мифологической школы, на протяжении всей своей жизни был связан с Флоренцией, образ которой запечатлен в его воспоминаниях и статьях. В 1840–1860-е гг. Буслаев пережил увлечение Данте, для которого Флоренция была родным городом. Он внес существенный вклад в создание персонального мифа Данте в русской словесности. Следует отметить, что в воспоминаниях ученого оба слова в названии поэмы Данте «Божественная Комедия» писались с большой буквы, что, по всей видимости, свидетельствовало об особом уважении к этому произведению и ее автору. В мемуарах Буслаев вспоминал:

«...на первом же курсе (словесного отделения философского факультета Московского университета. — М. Г.) с неменьшим интересом прочел я обстоятельную монографию о Данте и его “Божественной Комедии”, представленную Шевыревым в факультет для снискания права читать лекции в Московском университете. Уже тогда я пленился великим произведением Данта, и в течение всей моей жизни было оно любимым для меня чтением в часы досуга...»¹.

В 1840–1841 гг. по рекомендации барона Л. К. Бодде, у детей которого после университетского курса Буслаев был домашним учителем, и при материальной поддержке попечителя Московского университета графа С. Г. Строганова, предложившего «отправиться с его семейством на два года в Италию, чтобы там давать уроки его детям» (162), молодой Буслаев совершил первое заграничное путешествие. Во время этой поездки он не только узнавал новое и учился сам, но и учил других.

Приобщение Буслаева к Флоренции и ее сокровищам началось уже в России. Так, в воспоминаниях он упоминает о раритетах, виденных им ранее в петербургском доме графа Строганова у Полицейского моста, связанных с Италией

и Флоренцией. Среди них скульптурные реликвии и разные художественные предметы из металла и мрамора: «Самым замечательным и драгоценным из них была золотая ваза работы Бенвенуто Челлини (создателя прославленной статуи Персея во Флоренции. — М. Г.)» (177), живописные полотна, одним из которых было «бесподобное произведение Леонардо да-Винчи, изображающее короля Людовика Святого в типе прелестного юноши» (177)².

Путешествие, впечатления от которого отразились в его мемуарах начала 1890-х гг., превратилось для юноши в радостное событие; он чувствовал себя попавшим в сказку:

«Не удивляйтесь, если скажу вам, что с этого самого вечера в продолжение всего двухлетнего пребывания моего за границею настал для меня непрерывный светлый праздник <...>. Я тогда был еще очень юн и летами, и душою... <...>. И вдруг передо мною открылась необъятная и манящая вдаль перспектива от Балтийского моря по всей Германии, через Альпийские горы в широкую Ломбардию, к Адриатическому морю в Венецию, а оттуда через Альпы во Флоренцию, Рим» (165).

Отметим, что начиная с XV в. первые русские путешественники воспринимали Флоренцию как сказку, чудо, диво (см.: [Гребнева, 2003: 70]). Об Италии и ее жителях Буслаев уже имел фоновые знания, но при первом восприятии Города Цветов (*от лат. florentia* — цветущая) он показался ему сказочным, иллюзорным, романтическим.

На формирование будущего ученого оказали влияние не только разнообразные места, посещенные в Италии, но и знания, полученные из рассказов графа Строганова:

«...куда бы мы ни приезжали, граф встречал лично знакомые ему предметы или известные понаслуху и из книг, а потому и не мог нуждаться в дешевых услугах наемного чичерона» (176).

Уже во время первого путешествия Город Цветов стал одним из центров притяжения для Буслаева:

«В более интересных местах мы останавливались дня на два, на три, именно в Нюрнберге, Мюнхене, Инсбруке, Вероне, Мантуе, Модене и Сиэне, а то и на целую неделю, как во Флоренции и Риме...» (174).

Флоренция запечатлелась в памяти путешественника особенно:

«После хотя и беглого обозрения дворцов, храмов и разных исторических и художественных примечательностей в Венеции, Флоренции, Сиэне и Риме, Неаполь произвел на меня невыгодное впечатление...» (197).

О ней Буслаев не забывал во время посещения других мест Италии еще и потому, что постоянно возил с собой и изучал «Божественную комедию», творение прославленного флорентийца. Данте превратился для путешественника в наставника, проводника по Италии. Так, Неаполь, посещенный Буслаевым, оказался связанным с «Адом»:

«Еще в Неаполе я начал читать эту премудрую поэму, и с тех пор, на многие года, стала она самою любимую, настольною моею книгою. В Неаполе я прочел “Ад”...» (219),

Искья (Иския) — с «Чистилищем»:

«...теперь на Искии вместе с Дантом восходил по уступам великой горы “Чистилища” к ее вершине с “Земным Раем”, который иной раз, в счастливые минуты залетных мечтаний, грезился мне на маковке Эпомея» (*итал.* Monte Epomeo — один из вулканов острова Искья. — М. Г.) (219),

Сорренто — с «Раем»:

«Сверх того, я здесь же (на соррентской равнине. — М. Г.) докончил изучение “Божественной Комедии”. С тех пор Дантов “Рай” всегда напоминал мне прекрасные ландшафты, на которые я любовался из окон своей комнаты, и мою террасу, по которой прохаживался в лунные ночи...» (226).

Для Буслаева Флоренция, окруженная другими городами, служит неким «магическим кругом», объединяющим началом всех частей Италии.

Во флорентийское окружение Буслаева входил «один ученый-энтузиаст» Вентури, также изучавший Данте:

«Иной раз он казался мне самым искусным актером, насквозь проникнутым своею ролью, когда он так любовно и благоговейно относится к Данту, будто он тут же очутился перед ним и ласково ободряет его, или когда громит сарказмами порицателей

и ненавистников божественного поэта, или же когда язвительно издевается над тупоумными его комментаторами» (253).

Сама «Комедия» для Буслаева как исследователя является центральным произведением Данте:

«От него (от Вентури. — М. Г.) впервые я узнал и ясно понял, как необходимо для полного уразумения “Божественной Комедии” подробно ознакомиться с другими произведениями Данта» (254–255).

Мемуарист упоминает о «Новой жизни», «Пире» и исследовании «о народном языке или народной речи (*De vulgari eloquio*), в котором Данте восстанавливает права разговорного языка в литературе новых европейских народов, которые в средние века пробавлялись только латинскою письменностью» (254). На наш взгляд, взаимоотношения латинского и итальянского языков напоминают взаимоотношения церковнославянского и русского языка только значительно позднее.

Судьба самого автора «Божественной комедии» для Буслаева неразрывно связана с Флоренцией, с приметами, символами этого города. К ним, в частности, относится Баптистерий, «в котором был крещен Дант» (219), дом, «где он жил в соседстве с Беатрисою, которую прославил навеки в стихах и прозе» (219), камень, «на котором сиживал великий поэт» (219), собор Санта-Мария-дель-Фиоре «с грациозной колокольной, которую построил и украсил барельефами тот же его товарищ и друг Джиотто» (219–220), церковь Санта-Мария-Новелла, «та самая церковь, в которой во время страшной чумы, постигшей Италию в XIV столетии, собрались веселые собеседники Боккаччиева “Декамерона”, кавалеры и дамы, и условились удалиться вместе из зараженного города в уединенную виллу» (220), та самая церковь, которую «Микель-Анджело особенно любил» и называл «своею невестою» (220).

Если в первый раз, в 1840 г., Буслаев побывал во Флоренции на пути в Рим, то второй раз, в 1841 г., — на обратном пути из Рима в Россию:

«В начале апреля 1841 г. мы оставили Рим и отправились в Москву через Вену, Варшаву, Брест и Смоленск. Мы спешили, и потому, чтобы не терять времени, позволяли себе делать только

самые короткие остановки, дня на два, много на три, а то и на один день, даже в таких городах Италии, как Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция, — так что еще в последних числах того же апреля мы были уже на границе России» (269).

Расставание с Италией, Римом и Флоренцией было для путешественника нелегким:

«Смутно помню этот возвратный путь по Италии, будто тяжелый сон с множественными проблесками радости, как это бывает, когда только что встретишь любимого человека и тотчас же с ним прощаешься на вечную разлуку: вместе и радостно, и горько» (269).

Мотив сна — неотъемлемая часть флорентийского универсального мифа [Гребнева, 2009: 137–141]. Флоренция порождает в Буслаеве сказочные, иллюзорные, романтические, сновидческие ассоциации. Прерванное знакомство молодого учителя и начинающего ученого с Городом Цветов вызывает чувство утраты:

«И долго потом в течение многих лет, даже когда я был уже профессором, мне иной раз снилось, будто я тотчас же навсегда уезжаю из Рима или Флоренции, а мне еще остается так много видеть, чего я не видал, что мне надобно проститься с тем, что я так горячо люблю, и будто какая враждебная власть насильно вырывает меня из объятий дорогого друга: мне томительно и грустно, и я с радостью просыпаюсь от мучительного кошмара» (269).

Возвратившись в Москву в 1841 г. из путешествия, Буслаев возобновил свои уроки в семье Л. К. Боды с его старшими дочерьми — Екатериной и Натальей, которые «пожелали учиться итальянскому языку, и в течение каких-нибудь трех месяцев он «довел их до того, что они стали свободно говорить <...> по-итальянски» (152).

Путешественник привез с собой воспоминания о Флоренции, ее прославленном поэте и его бессмертном произведении:

«Тогда я бредил Италией времен гвельфов и гибеллинов и весь погружен был в таинственные видения Божественной Комедии Данта. Мои ученицы, легко и скоро усвоив себе склад итальянской речи в прозе Манцони и в стихах Торквато Тасса

и Петрарки, с большим нетерпением желали разделить со мною мои восторги к великому флорентийцу» (153).

Как Данте был проводником Буслаева по Италии и Флоренции, так подобное значение имел он сам для своих учениц в России. Родина Данте предстает для Буслаева и родиной романтизма:

«И вот, в эту-то привольную, таинственную область и переселял я воображение моих учениц, самым подробным изучением “Божественной Комедии”, сколько тогда мог и умел. Я был тогда твердо убежден, что делаю самое лучшее, ибо я, безусловно, веровал в свой девиз, вычитанный мною у Августа Шлегеля, что “Дант есть отец романтизма”» (153).

В третий раз русский ученый побывал во Флоренции в 1864 г., в преддверии 600-летнего юбилея Данте (май 1865 г.). Буслаев готовил «обстоятельную статью о приготовлениях всей Италии» к предстоящему празднованию:

«По счастью, я провел во Флоренции целые два месяца в 1864 году и имел случай в самом средоточии юбилея воспользоваться всевозможными документами, журналами, газетами и другими пособиями по этому предмету» (427).

Помимо статьи «Трехдневное празднование во Флоренции шестисотлетнего юбилея Данта Аллигиери» для «Русского вестника», воодушевленный путешествием Буслаев подготовил спецкурс для Московского университета:

«Я должен был во что бы то ни стало уберечь в себе и продлить спокойное и ясное настроение, которое вывез с собою из Италии. С этой целью одновременно с лекциями по истории русской литературы я вознамерился читать студентам филологического факультета специальный курс о Данте в течение целых трех лет» (359).

Став известным профессором, Буслаев вспоминал свои уроки в качестве начинающего учителя. Учебные занятия с баронессами Боде помогли ему в разработке спецкурса о Данте:

«Мои ученицы имели под руками лучшее в то время школьное издание этого произведения <“Божественной комедии”>, составленное итальянским ученым Бьяджоли, а я пользовался большим изданием в пяти томах, известным под названием

«Минервы», по прозвищу типографии, где было оно напечатано» (153).

Он располагал научным изданием, которое «содержит в себе обширные выдержки из всевозможных комментариев Данта, от самых ранних времен и до двадцатых годов нашего столетия» (153).

Путешественник, пребывая во Флоренции, вспоминал свои два первых посещения этого города:

«В этой дантовской атмосфере я вновь пережил свои молодые годы, когда “Божественная Комедия” была для меня настольною книгою» (359).

В третье посещение Флоренции Буслаев, не теряя романтического восторга перед ней, взглядом ученого рассматривает атмосферу города, в том числе и политические события:

«В то время в ней сосредоточилось патриотическое движение всех областей Апеннинского полуострова. <...> Италия сбрасывает с себя чужеземное иго и соединяет свои разрозненные члены в одно нераздельное государство под светскую власть итальянского короля» (358).

Объединяющая роль Флоренции в этом процессе подчеркивалась Буслаевым так же, как и в 1840–1841 гг.

Центром торжества 1865 г. во Флоренции стала площадь Святого Креста, «находящаяся перед храмом того же имени, который, будучи украшен произведениями искусства с XIV столетия до наших времен и надгробными памятниками Микель-Анджело, Галилея, Альфиери, самого Данта, есть вместе и усыпальница великих людей Италии, и художественный Пантеон итальянских знаменитостей» (427).

В отличие от других путешественников, посетивших Флоренцию в разные годы XVII и XVIII вв. (В. Лихачева, П. А. Толстого, И. Л. Нарышкина, В. Н. Зиновьева) и, как правило, только упоминавших ее достопримечательности, Буслаев как ученый рассказывает об их истории и аналитически осмысливает ее.

Историческое прошлое конкретного места переплетается для Буслаева с тем, что создается на его глазах:

«На этой-то площади в день дантовского празднества будет открыт национальный памятник Данту: это колоссальная статуя великого поэта, изваянная скульптором Энрико Пацци» (428);

«Вся площадь богато украшена фестонами из лавровых ветвей и цветов и декоративною живописью, сюжеты которой заимствованы из жизни Данте» (428).

История площади оказывается неразрывно связанной с именем творца «Божественной комедии» и историей его жизни.

Праздник в честь Данте оказывается прославлением флорентийцев прошлого и современных жителей города. Буслаев постоянно подчеркивает эту связь времен:

«Весь город украшен флагами. На домах, где родились, жили и действовали знаменитые граждане всех времен, выставлены их имена, украшенные трофеями, лавровыми венками и цветами» (428).

Празднество, посвященное юбилею Данте, длилось в течение трех дней — на символику этого обращает особое внимание Буслаев. Цифра три для Данте была мистической. Так, по словам А. Н. Веселовского, «число три и его производное, девять, царит невозбранно (в «Божественной комедии». — М. Г.): трехстрочная строфа (терцина), три кантики Комедии; за вычетом первой, вводной песни, на Ад, Чистилище и Рай приходится по 33 песни, и каждая из кантик кончается тем же словом: звезды (stelle); три символических жены, три цвета, в которые облечена Беатриче, три символических зверя, три пасти Люцифера, и столько же грешников, им пожираемых; тройственное распределение Ада с девятью кругами и т. д.; девять уступов Чистилища и девять небесных сфер» [Веселовский: 149].

Первый день праздника «открывается торжественною процессиею, которая совершает круг: от монастыря и площади церкви Св. Духа (Santo Spirito. — М. Г.), находящейся по ту сторону реки Арно (Oltrarno) и с давних времен прославившейся своими церковными процессиями...» (428).

Время замыкается в круг. Флоренция становится городом, связующим времена. Как в XV в. на площади представлялись

священные мистерии, так и в XIX в. на ней происходят значимые для города события.

Буслаев подчеркивает, что имя и дело флорентийского писателя способствуют связи времен:

«Таким образом, дантовский юбилей в Италии может дать нам самое полное понятие о современном взгляде на историю и об отношении народа к его прошедшему» (430).

Однако от прошлого современность отличается практичностью, вытесняя романтическое отношение к истории:

«...если в прежние времена исторический взгляд на прошедшее затемнялся мечтательным к нему обращением, как к несбыточному идеалу, то и в наше время история, может быть, тоже много проигрывает, будучи воспроизводима с личными целями разных современных направлений» (431).

Если «для средних веков великий флорентиец был богослов», то «для Италии нашего времени он — политик и агитатор: перед его именем должны пасть все преграды на пути Италии из ее полной независимости и самостоятельности...» (432). Идея вечного, неизменного, созданного раз и навсегда в прошлом соседствует с идеей злободневного, сиюминутного в настоящем.

Носителями памяти времен являются архитектурные памятники Флоренции и те культурные богатства, которые сосредоточены в них. На этом построено противопоставление старого и нового представленное в статье Буслаева «Флоренция в 1864 году», которая вошла в его книгу «Мои досуги». Автор статьи неразрывно связан с городом, посещенным им более двадцати лет назад:

«Не без опасения шел я в галерею Уффици. В мое старое время галереи Питти, Уффици и Академии Художеств были настоящие университеты для искусства: колоссальные мастерские, где десятки художников толпились около знаменитых оригиналов и списывали копии... <...>. Что-то найду я теперь? с боязнью спрашивал я себя»³.

Автор, так же как и впоследствии, например, А. Блок или В. Брюсов (см.: [Гребнева, 2009: 91–97]), выступает против

современного практицизма, демонстрирует негативное отношение к политическому настоящему Флоренции:

«Напитавшись всякою современностью с берегов Невы, я едва не начал убеждаться, что итальянская революция, Гарибальди и гарибальдийцы составят новую эпоху для всего умственного и художественного горизонта Италии, и что здравый смысл и практический дух нашего времени избавят наконец человечество от заблуждений фантазии, называемых изящным искусством, и столько веков лелеявших его разными фресками с барельефами в церквах и религиозными восторгами Умбрийской, Ломбардской и Тосканской школы» (1886; 198).

Буслаев является сторонником «старого» религиозного искусства, ярчайшими представителями которого для него были Джотто и Анджелико. Миф Фра Беато Анджелико (Фра Джованни да Фьезоле) — один из самых интересных в русской словесности. Его образ привлекал внимание А. Григорьева, А. Майкова, К. Бальмонта, Н. Гумилева и Б. Зайцева [Гребнева, 2015: 41–47]. Буслаев писал:

«Мои уши начинали было уже терпеливо выслушивать, когда мне говорили, что религиозная живопись оных отдаленных времен никуда уже для нас не годится; и теперь, находясь во Флоренции, где эти старые грехи у всех на виду, воочию, по галереям и церквам, я естественно стремился дознаться, точно ли наконец и здесь, перед судом лучших современных живописцев, знатоков и любителей, какой-нибудь Джиотто или Беато Анджелико решительно преданы забвению...» (1886; 198).

Путешественник был рад, что его опасения о ненужности «старого» искусства не оправдались:

«Вхожу. Та же толпа и та же давка. Опять около Мадонн Рафаэля и Корреджио не пройдешь от толпы копирующих живописцев. В длинном коридоре будто тот же самый старичок, что был тогда, в истертой шинели, сидит и пишет миниатюры на слоновой кости, а у него на столе для продажи маленькие копии и с Рафаэля, и с Фра Бартоломея, и все Мадонны, Распятия, Благовещения и всякие другие святости. Глазам не верится! Двадцати лет будто не бывало!» (1886; 199).

Все происходящее с путешественником напоминает сказку, старичок — волшебника, Уффици — место чудесных превращений, Флоренция — сказочный город, где время обращается вспять или замирает на месте. Аналогия со сказкой подтверждается словами Буслаева в статье, посвященной празднованию шестисотлетнего юбилея Данте:

«Как старинная сказка, переходя из уст в уста, от одного поколения к другому принимает на себя отпечатки разных этих поколений, и, вследствие накопления этих самых анахронизмов становится тем популярнее и тем дороже и милее народу, так и периодическое возвращение разных поколений к любимой ими исторической личности, с непременным желанием сблизить ее со своим временем и слиться с нею своими интересами, тем более делает такую личность популярною, чем чаще и искреннее возвращаются к ней симпатии позднейших поколений» (431–432).

Однако Буслаев с пристальным и даже с пристрастным вниманием отслеживает и все не радующие его приметы нового во Флоренции:

«...и если б я захватил с собою свой прежний план этого города, то мне пришлось бы много блуждать, отыскивая знакомые прежде места между новыми улицами, новыми урочищами и под новыми названиями» (1886; 191).

Новые названия дворцов и площадей кажутся ему не соответствующими их славной или трагической, но все равно великой истории. Это касается, в частности, площади Господ (Piazza della Signoria), на которой был сожжен доминиканец Савонарола. Проблема взаимоотношений старого и нового на этот раз для ученого касается связей языческого и христианского:

«Бесподобная площадь с так называемым Старым Дворцом и с Ложею Ланци, в которой Персей Бенвенуто Челлини целые триста лет показывает проходящим отрубленную голову Медузы, та самая, где когда-то благочестивые последователи монаха Савонаролы, новое поколение юношей XV века, на великолепно, артистически убранном костре, для спасения души, жгли картины и книги мифологического и соблазнительного содержания и другие подобные предметы и где, для пробы его святости,

сожгли и самого Савонаролу, — эта площадь в мое старое время называлась площадью *Великого Герцога...*» (1886; 191).

Симпатии Буслаева, без всякого сомнения, находятся на стороне прославленного флорентийского монаха, великая и трагическая судьба которого неоднократно привлекала внимание русских авторов (см.: [Шастель, 2001: 398–404], [Шеллер, 1995: 195–269], [Виллари, 2002: 502–579]).

И прежние, и настоящее названия площади видятся автору неудачными:

«...а теперь она стала *Площадь Господ* (Piazza della Signoria), площадь правителей республики: название старинных времен, к которому Флоренция воротилась под скипетром своего *вежливого* короля, вероятно, согласуясь с заголовками его манифестов, где значится, что он королевствует не только по Божией милости, но и по воле народа» (1886; 191–192).

Размышления о «тогда» и «теперь» коснулись и площади Марии Новеллы, где располагается одноименная церковь:

«...эта площадь в мое старое время была еще покрыта зеленой травой и цветами, как в XIV веке, во времена самого Боккаччио. Теперь она покрылась мостовой...» (1886; 192).

Прошлое Флоренции для Буслаева неразрывно связано не только с творениями и делами Данте, Челлини, Леонардо, Савонаролы, но и Боккаччо, чей персональный миф также создавался в сочинениях А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова, А. Блока, В. Брюсова и др. (см.: [Гребнева, 2015: 36–40]).

Изменения видны и во флорентийском загородном саду, флорентийский городской круг дополняется загородным кругом:

«В мое время, на тенистых лужайках <парка> Кашин, между темных лавров и развесистых лип, сплетенных гирляндами плюща, преспокойно себе разгуливали, по милости герцога, и клевали корм необозримые стаи фазанов, не обращая внимания ни на стук экипажей, ни на толкотню гуляющих. Увы! мало того, что я не застал в живых ни одного из этих своих старых знакомцев, но даже и все их многочисленное поколение пропало без вести» (1886; 193).

Пострадавшим от нашествия австрийских войск предстает «и дворец Питти; как-то монументальнее, будто надгробные плиты, торчат громадные камни, из которых он построен, и печально смотрят его опустелые окна в лавровые и кипарисные аллеи Боболи» (1886; 195).

Подводя итог своим размышлениям, Буслаев писал:

«Так несколько дней, пока я блуждал по площадям и улицам Флоренции, старые воспоминания спутывались в голове моей с новизною и выглядывали из-под новых впечатлений, будто обломки античных колонн и пьедесталов, вставленные в недавнюю постройку» (1886; 196–197).

Следующая поездка ученого во Флоренцию состоялась в 1874 г. На этот раз он оказался гидом для своей жены, вместе с которой он посетил этот город. Для Буслаева Флоренция связана с идеей дома, семьи, хотя, в отличие от А. И. Герцена или И. С. Тургенева, его отношение к городу было безоблачным и лишенным внутренней противоречивости:

«Генуя понравилась Людмиле (Людмиле Яковлевне, урожд. Троновой — жене Буслаева. — М. Г.) больше Венеции, а Флоренция — еще более Генуи. Я во Флоренции уже четвертый раз; теперь она мне еще милее и дороже. Весь город — музей, и все это великолепие художественное не занесено извне, как в петербургском Эрмитаже или в парижском Лувре, а все оно доморощенное. Все эти великие художники от XIV и до XVI вв. тут родились, тут жили и исподволь украшали свой родной город» (376).

Во Флоренции путешественники пробыли около месяца, так как, по словам Буслаева, «чтобы вполне понять историю искусства, чтобы насладиться изящным как необходимым, существенным элементом жизни, надобно пожить во Флоренции» (376).

Как и много лет назад, уже давно знакомый город становится центром научного общения. В 1840 г. Буслаев приезжал сюда в качестве учителя детей графа Строганова и начинающего ученого, теперь — в качестве известного профессора:

«Из ученых во Флоренции я познакомился и сошелся только с профессором De Gubernatis, коротким знакомым Александра

Николаевича Веселовского. Comparetti и других профессоров во Флоренции не было: все в разъезде на каникулы» (376).

Таким образом, можно выявить особенности семантики образа Флоренции в трудах Ф. Буслаева: в первое посещение этот город был воспринят путешественником как сказка, во второе — как сновидение, с которым было трудно расстаться, в третье — как место, в котором осуществляется связь времен, как музей, сокровищница мирового искусства и, наконец, в последний приезд — как центр научного общения, город, связанный с идеей дома и семьи. Особенность восприятия Флоренции Буслаевым определяется тем, что он исследовал город не только как путешественник, но и как ученый, поэтому его описания отличаются аналитичностью и развернутостью, среди трудов имеются научные статьи о Городе Цветов.

Примечания

- ¹ Буслаев Ф. И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М.: Русская книга, 2003. С. 135. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием года и страницы в круглых скобках.
- ² Подобное заочное знакомство перед поездкой во Флоренцию было осуществлено в воспоминаниях историка, краеведа Н. П. Анциферова: оно осуществилось на семинаре И. М. Гревса по изучению трудов Данте (см.: [Гребнева, 2012: 163–165]).
- ³ Буслаев Ф. И. Мои досуги: в 2 ч. М.: Синодальная типография, 1886. Ч. 1. С. 197–198. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием года и страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Брагина Л. М. Библиотека Сан Марко во Флоренции // Книга в культуре Возрождения. — М.: Наука, 2002. — С. 138–148.
2. Веселовский А. Н. Избранные статьи. — Л.: Худож. лит., 1939. — 572 с.
3. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. — М.: Астрель; АСТ, 2002. — С. 502–579.
4. Владимирова Т. Л. Римский текст в творчестве Н. В. Гоголя. — Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010. — 176 с.
5. Гольберг А. Г. К предыстории идеи «Москва — третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. — М.: Наука, 1976. — С. 111–116.
6. Гребнева М. П. Сказка и быль о Флоренции (по воспоминаниям очевидцев XV–XVIII вв.) // Известия Алтайского государственного университета. — 2003. — № 4. — С. 66–69.

7. Гребнева М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. — Томск: Изд-во ТГУ, 2009. — 182 с.
8. Гребнева М. П. Флоренция в воспоминаниях Н. П. Анциферова // *Филология и человек*. — 2012. — № 3. — С. 163–170.
9. Гребнева М. П. Персональные флорентийские мифы в русской словесности XIX–XX вв. — Томск: Изд-во ТГУ, 2015. — 124 с.
10. Гребнева М. П. Биографическая составляющая мифа о флорентийском поэте-изгнаннике Данте Алигьери в русской литературе XIX–XX вв. // *Художественное произведение: структура, дискурс, медиа: коллективная монография*. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. — С. 160–168.
11. Гребнева М. П. Ароматы жизни и смерти в произведениях русских авторов о Флоренции // *Вестник Томского университета. Филология*. — 2018. — № 54. — С. 182–193.
12. Кара-Мурза А. А. Знаменитые русские о Флоренции. — М.: Независимая газета, 2001. — 352 с.
13. Комолова Н. П. Италия в русской культуре Серебряного века. — М.: Наука, 2005. — 470 с.
14. Краснова И. А. Влияние культуры Возрождения на духовную жизнь флорентийцев // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи*. — М.: Наука, 1997. — С. 40–49.
15. Кудрявцев О. Ф. «Ученая религия» флорентийской Платоновской академии // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи*. — М.: Наука, 1997. — С. 88–96.
16. Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская академия. — М.: Наука, 2008. — 477 с.
17. Линч К. Образ города. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с.
18. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. *История и типология русской культуры*. — СПб.: Искусство, 2002. — С. 208–214. (a)
19. Лотман Ю. М. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М. *История и типология русской культуры*. — СПб.: Искусство, 2002. — С. 349–361. (b)
20. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. — Новосибирск: Офсет, 1999. — 392 с.
21. Муратов П. П. Образы Италии: в 3 т. — М.: Галарт, 1993. — Т. 1. — 326 с.
22. Сони́на Т. В. Рисунки Боттичелли к «Божественной комедии» Данте. Традиционное и оригинальное // *Книга в культуре Возрождения*. — М.: Наука, 2002. — С. 34–44.
23. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. — СПб.: Искусство, 2003. — 612 с.
24. Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001. — 720 с.
25. Шеллер А. К. Савонарола. Его жизнь и общественная деятельность:

Биографический очерк // Григорий VII. Торквемада. Савонарола. Лойола. Аввакум: Биографические повествования. — Челябинск: Урал, 1995. — С. 195–269.

Информация об авторе: *Марина Павловна Гребнева* — доктор филологических наук, доцент, профессор Алтайского государственного университета.

Дата поступления в редакцию: 08.01.2019

Дата публикации: 29.03.2019

Marina P. Grebneva

(Barnaul, Russian Federation)

grmarinagr@mail.ru

The Semantics of the Image of Florence in Memories and Articles of F. I. Buslaev

Abstract. The publication is devoted to one of their current areas of modern domestic literature — imagology. The purpose of the study was to study the image of Florence. In this connection, particular attention was drawn to the memories and articles of F. I. Buslaev is a famous Russian philologist and art historian. He visited Florence four times — in 1840, 1841, 1864 and 1874. The first time the city was perceived by the traveler as a fairy tale, the second time — as a dream, which was difficult to part with, the third time — as a place where the connection of time takes place, and finally, the fourth time — as a museum, as a treasure trove of world art. The study of the memoirs and articles of the scientist showed that his attention was attracted by the secondary motifs of the universal Florentine myth such as the circle, sleep, past, family. The peculiarity of the perception of this locus by Buslaev is determined by the fact that he investigated it not only as a traveler, but also as a scientist. In the article, the mythological, comparative historical and typological methods became the main ones in studying the image of Florence.

Keywords: F. I. Buslaev, Florence, local text, universal myth, personal myth, image, Dante

References

1. Bragina L. M. The Library of San Marco in Florence. In: *Kniga v kul'ture Vozrozhdeniya [A Book in the Culture of the Renaissance]*. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 138–148. (In Russ.)
2. Veselovskiy A. N. *Izbrannye stat'i [Selected Articles]*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1939. 572 p. (In Russ.)
3. Villari P. *Dzhirolamo Savonarola i ego vremya [Girolamo Savonarola and His Time]*. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2002, pp. 502–579. (In Russ.)
4. Vladimirova T. L. *Rimskiy tekst v tvorchestve N. V. Gogolya [A Roman Text*

- in the Works of N. V. Gogol*]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2010. 176 p. (In Russ.)
5. Gol'berg A. G. On the Prehistory of the Idea "Moscow Is the Third Rome". In: *Kul'turnoe nasledie Drevney Rusi. Istoki. Stanovlenie. Traditsii* [*The Cultural Heritage of Ancient Russia. Origins. Genesis. Traditions*]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 111–116. (In Russ.)
  6. Grebneva M. P. A Fairy Tale and a True Story About Florence (Based on the Eyewitness Recollections of the 15th—18th Centuries). In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Izvestiya of Altai State University*], 2003, no. 4, pp. 66–69. (In Russ.)
  7. Grebneva M. P. *Kontseptosfera florentiyskogo mifa v russkoy slovesnosti* [*Conceptosphere of the Florentine Myth in Russian Literature*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2009. 182 p. (In Russ.)
  8. Grebneva M. P. Florence in the Memoirs of N. P. Antsiferov. In: *Filologiya i chelovek*, 2012, no. 3, pp. 163–170. (In Russ.)
  9. Grebneva M. P. *Personal'nye florentiyskie mify v russkoy slovesnosti XIX–XX vv.* [*Personal Florentine Myths in the Russian Literature of the 19th–20th Centuries*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2015. 124 p. (In Russ.)
  10. Grebneva M. P. A Biographical Component of the Myth About the Florentine Poet-Exile Dante Alighieri in Russian Literature of the 19th–20th Centuries. In: *Khudozhestvennoe proizvedenie: struktura, diskurs, media: kollektivnaya monografiya* [*Fiction: Structure, Discourse, Media: Multi-Authored Monograph*]. Barnaul, Altai State University Publ., 2016, pp. 160–168. (In Russ.)
  11. Grebneva M. P. Aromas of Life and Death in the Works of Russian Authors About Florence. In: *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya* [*Tomsk State University Journal of Philology*], 2018, no. 54, pp. 182–193. (In Russ.)
  12. Kara-Murza A. A. *Znamenitye russkie o Florentsii* [*Famous Russians About Florence*]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 2001. 352 p. (In Russ.)
  13. Komolova N. P. *Italiya v russkoy kul'ture Serebryanogo veka* [*Italy in Russian Culture of the Silver Age*]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 470 p. (In Russ.)
  14. Krasnova I. A. The Influence of the Renaissance Culture on the Spiritual Life of the Florentines. In: *Kul'tura Vozrozhdeniya i religioznaya zhizn' epokhi* [*The Culture of the Renaissance and the Religious Life of the Epoch*]. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 40–49. (In Russ.)
  15. Kudryavtsev O. F. The "Scientific Religion" of the Florentine Academy. In: *Kul'tura Vozrozhdeniya i religioznaya zhizn' epokhi* [*The Culture of the Renaissance and the Religious Life of the Epoch*]. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 88–96. (In Russ.)
  16. Kudryavtsev O. F. *Florentiyskaya Platonovskaya akademiya* [*The Platonic Academy in Florence*]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 477 p. (In Russ.)
  17. Linch K. *Obraz goroda* [*The Image of the City*]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1982. 328 p. (In Russ.)
  18. Lotman Yu. M. The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City. In: *Lotman Yu. M. Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [*Lotman Yu. M. History and Typology of Russian Culture*]. St. Petersburg,

- Iskusstvo Publ., 2002, pp. 208–214. (In Russ.) (a)
19. Lotman Yu. M. The Echoes of the Concept “Moscow Is the Third Rome” in the Ideology of Peter the First (on the Problem of the Medieval Tradition in the Baroque Culture). In: *Lotman Yu. M. Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [Lotman Yu. M. *History and Typology of Russian Culture*]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2002, pp. 349–361. (In Russ.) (b)
  20. Mednis N. E. *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Novosibirsk, Ofset Publ., 1999. 392 p. (In Russ.)
  21. Muratov P. P. *Obrazy Italii: v 3 tomakh* [Images of Italy: in 3 Vols]. Moscow, Galart Publ., 1993, vol. 1. 326 p. (In Russ.)
  22. Sonina T. V. Drawings by Botticelli to the “Divine Comedy” by Dante. The Traditional and the Original. In: *Kniga v kul'ture Vozrozhdeniya* [The Book in the Renaissance Culture]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 34–44. (In Russ.)
  23. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbrannyye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2003. 612 p. (In Russ.)
  24. Shastel' A. *Iskusstvo i gumanizm vo Florentsii vremen Lorentso Velikolepnogo. Ocherki ob iskusstve Renessansa i neoplatonicheskom gumanizme* [Art and Humanism in Florence in the Times of Lorenzo the Magnificent. Essays on the Art of the Renaissance and Neoplatonic Humanism]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 720 p. (In Russ.)
  25. Sheller A. K. Savonarola. His Life and Social Activities: A Biographical Essay. In: *Grigoriy VII. Torkvemada. Savonarola. Loyola. Avvakum: Biograficheskie povestvovaniya* [Gregory the Seventh. Torquemada. Savonarola. Loyola. Avvakum: Biographical Narratives]. Chelyabinsk, Ural Publ., 1995, pp. 195–269. (In Russ.)

Information about the author: *Grebneva Marina P.* — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Altai State University.

Received: January 8, 2019

Date of publication: March 29, 2019